

DOI: 10.15643/libartrus-2021.6.6

Эмотивная составляющая метаязыковой рефлексии российских немцев Томской области

© О. А. Александров*, З. М. Богословская

Томский государственный университет
Россия, 634050 г. Томск, проспект Ленина, 36.

*Email: olegaleksandrov79@gmail.com

Статья выполнена в области лингвокогнитологии, затрагивает теорию эмотивности, отвечает эколингвистическим задачам. Рассматриваются речевые акты российских немцев, скрещивающие метаязыковую и эмотивную функции языка. Эмотивные структуры системы обыденных метаязыковых представлений выявляются посредством анализа корпуса немецких диалектных текстов, маркированных экспрессивной лексикой. Обнаруживаются релевантные для эмотивного восприятия факты языковой действительности, определяется эмоциональный статус отраженных в сознании говорящих образов данных фактов. Представленная модель эмоциональных впечатлений о языке позволяет судить о субэтнической специфике мировоззрения российских немцев, отражает вариативность, противоречивость метаязыковых эмоций в силу субъективности, психологичности рассматриваемых категорий.

Ключевые слова: метаязыковая рефлексия российских немцев, эмотивность, перцептуальная диалектология немецкого языка.

Введение

Призыв к смене приоритетов – к переходу от «диалектологии диалекта» к «диалектологии говорящего на нем» [16, с. 42] – звучит сегодня в масштабах общемировой диалектологии. Этот методологический сдвиг становится сегодня возможным за счет реализации новых перспектив воззрения на язык, в т.ч. за счет объективации в научных описаниях обыденных метаязыковых представлений носителей диалектов. Подход, сфокусированный на содержательном, функциональном и организационном аспектах «субъективных» данных о территориальных формах языка, получил название *перцептуальной диалектологии* и активно реализуется сегодня на материале немецких диалектов, бытующих на территории Европы (см., например: [13–15]). В отечественной диалектологии особенности интерпретации языка российскими немцами преимущественно затрагиваются косвенно для изучения других лингвистических и культурологических объектов [3, 5, 9].

Такие понятия, как *рефлексия*, *интерпретация*, *суждение*, *восприятие*, используемые в перцептуальной диалектологии, апеллируют к сущностям когнитивного плана, выводят фокус исследования в систему представлений человека о мире, затрагивают его ментальные и психические структуры. Имманентным свойством когнитивной деятельности является эмоциональность: «мыслит не чистая „мысль“, а живой человек, поэтому в акт мысли в той или иной мере включается и чувство» [11, с. 391]. Эмоции находят выражение в языке и закрепляются на разных уровнях его системы. В свете теории эмотивности любое речевое произведение маркировано эмоциями его продуцента [12].

Опыт исследователей показывает, что палитра форм вербализации обыденных представлений о языке чрезвычайно разнообразна и в содержательном плане не все из них несёт на

себе явный отпечаток эмоциональных переживаний. Высказанные суждения «наивного» говорящего по отношению к языковой действительности могут быть аналитичными, рациональными, ограничиваться констатацией салиентных для восприятия явлений [1, 4, 7, 10]. Вместе с тем представляется, что именно факты реализации в речи эмоционально окрашенной метаязыковой рефлексии заслуживают особого внимания. Их регистрация и анализ позволяют задокументировать наиболее значимые, чувственно отмеченные элементы исследуемой мировоззренческой системы. При обращении к «малым» и исчезающим лингвокультурам роль подобных исследований в свете экологических задач лингвистики особо возрастает. Подобные исследования также вносят вклад в решение общетеоретических проблем, связанных с пониманием универсальных механизмов выбора человеком языковых средств в ходе текстопорождения.

Материал исследования

На данный момент в Томской области проживают около 9000 немцев, небольшая часть из которых еще владеет традиционными для российских немцев языковыми образованиями – немецкими диалектами. Немецкие диалекты в Томской области, как и немецкие диалекты в других регионах Российской Федерации и непосредственно в самой Германии, последовательно теряют демографическую и коммуникативную мощь [2, 8, 9, 17].

В ходе полевых работ было опрошено 123 жителя обсуждаемого субъекта РФ, которым свойственно немецко-русское двуязычие. Владение немецким и русским языками, а также насыщенный опыт взаимодействия с представителями самых разных этносов (селькупами, поляками, евреями, украинцами и т.д.), населяющими Сибирь, создал в коллективном сознании российских немцев обширную информационно-фактологическую базу об особенностях бытования разных национальных языков и форм их существования. Во время интервью немцы достаточно охотно высказывались о салиентных фактах языковой действительности. Полученный в результате полевых работ корпус речевых проявлений метаязыковой рефлексии характеризуется формальным и содержательным разнообразием. Около 30% собранных текстов, вербализующих представления немцев о языковой действительности, маркированы лексическими средствами выражения эмотивности.

Результаты исследования

Исследование фактов вербализации метаязыковой рефлексии показывает, что восприятие немцами родного языка следует охарактеризовать как нейтрально-положительное. Диалекты осмысляются как «хорошие», а их использование доставляет удовольствие. Самым распространенным лексическим средством маркировки метаязыковой перцепции данного типа является слово *gut* (рус.: хороший). Диалекты трактуются «хорошими», потому что они, по их собственным словам, родные, на них говорили в детстве, они дают ощущение дома, материнской заботы, в некоторых коммуникативных ситуациях они видятся более функциональными, чем русский язык (пример 1).

(1) Ja, nu, was soll ich sache? Unser Spraach is gut, gut Spraach. Ich sprech... nit gen (нем. лит.: gern) Literaturisch. Unser Teitsch is Spraach von mei Kindheit. Mir warre die Kinner und hun nur unser Spraach gesprouche. Unser Teitsch is bezer.

Перевод: Да, ну, что я должен сказать? Наш язык хороший, хороший язык. Я не охотно говорю на литературном. Наш язык – это язык моего детства. Мы были детьми и мы (тогда) только на нашем языке говорили. Наш немецкий лучше.

В речи немецких диалектоносителей другие формы эмотивной оценки родного языка, кроме выраженной словом «хороший», практически не встречаются. Например, такое чувство, как любовь, по отношению к родному языку информантами не упоминается. По всей видимости, любовь подразумевает для «наивных» говорящих слишком сильные эмоции, которые неуместно испытывать к языку.

Однако новые эмотивные значения обнаруживаются при сравнении немецких диалектов с литературной формой немецкого языка, а именно – первые описываются как более «мягкие», «нежные» языки. Отмечается, что вследствие «мягкости» диалекты хорошо подходят для исполнения песен. Литературный язык, напротив, расценивается как «грубый», «жесткий», менее приспособленный для реализации песенного дискурса (пример 2).

(2) *Ich denk, unser Spraach is wäich, ja, мяжкий. Die Spraach in Daitschland is net sou, net wäich, is annerscht, не знаю, как сказать. Ну, vom Liedje, unser Liedje, uf unser Spraach sinn die Liedje arch gut, ja, am beschten. Und die Liedje von германцы die härter, häärt. Такое мое мнение.*

Перевод: Я думаю, наш язык мяжкий, да, мяжкий. Язык Германии не такой, не мяжкий, другой, не знаю, как сказать. Ну, вот песни, на нашем языке песни очень хорошие, да, самые лучшие. А песни германцев, они грубее, грубые. Такое мое мнение.

В метаязыковых высказываниях, реферирующих к родным формам языка, объективируются не только положительные эмоции, но и негативно окрашенные эмоциональные состояния. Так, для российских немцев салиентен тот факт, что их родной язык – это стремительно уходящее, утрачиваемое явление. Это вызывает сожаление у информантов: по их собственным словам, они «скучают по родному языку». Имеется в виду, что они тоскуют по тому времени, когда немецкие диалекты обладали высокой демографической мощностью, и общение на диалектах было повсеместным (пример 3).

(3) *Ja, конечно, des tut Freide, viel Freide mit unser Leid spreche. Uf unser Spraach plappere. Но с кем? Ты еще молодой. So is das Lewe, all geht wech. Und unser Spraach is wech gegange. Des is jo schlecht. Wie mir spreche, wie mir lewe, singe, heite wechgehe.*

Перевод: Да, конечно, это доставляет радость, много радости, разговаривать с нашими людьми. Но с кем? Ты еще молодой. Такая жизнь, все уходит. И наш язык ушел. Это плохо. Как мы говорим, как мы живем, поем, сегодня уходит.

Таким образом, эмоции по отношению к родному языку образуются конгломератом из положительно и негативно окрашенных эмоций. С одной стороны, обращение к ним вызывает гедонистический эффект – использование диалектов приносит удовольствие, с другой – диалект – это причина грусти, сожаления по ушедшему или уходящему. Данные наблюдения подтверждают мнение специалистов о противоречивости эмоциональных состояний человека: «Эмоции... обычно отличаются полярностью, т.е. обладают положительным и отрицательным знаком: удовольствие – неудовольствие, веселье – грусть, радость – печаль и т.п. Оба полюса не являются внеположными. В сложных человеческих чувствах они часто образуют противоречивое единство: в ревности страстная любовь уживается со жгучей ненавистью» [11, с. 513].

Когда фокус восприятия информантов переходит с диалекта как целостной системы на его отдельные уровни и единицы, наблюдается расширение палитры эмотивных значений, приносимых в метаязыковые высказывания. Это разнообразие достигается за счет расширения спектра используемых лексических единиц. Положительные эмоции, выраженные в тексте, маркируются прилагательными *frehlich* (нем. лит.: *fröhlich*), *luschdig* (нем. лит.: *lüstig*), *schein* (нем. лит.: *schön*), *ongenehm* (нем. лит.: *angenehm*), глаголом *liewe* (нем. лит.: *lieben*) и

другими словами. Для экспликации негативных значений используются *traurisch* (нем. лит.: traurig), *lädmerig* (нем. лит.: leidmütig), *beis* (нем. лит.: böse), *streng*, *schein* (нем. лит.: schön), *schreglich* (нем. лит.: schrecklich), *firchterlich* (нем. лит.: fürchterlich) и прочая лексика.

Наиболее развернутый эмоционально-чувственный контекст обнаруживается в метаязыковых высказываниях, затрагивающих песенный фольклор российских немцев. Отмечается, что пение песен, усвоенных еще в детстве, доставляет большое удовольствие российским немцам, и эти тексты в целом оцениваются ими в категориях прекрасного. Если зафиксированные в текстах эмоциональные состояния соотнести с воображаемой оценочной шкалой, то эстетические впечатления о песенном фольклоре распределяются в диапазоне от «красивые» до «самые красивые», гедонистические впечатления – от «любимые» до «самые любимые».

Если общее отношение к народному песенному дискурсу демонстрирует исключительно положительный заряд, то каждая отдельная песня может вызывать у диалектоносителей свой специфичный комплекс чувств и эмоций. Песни расцениваются как грустные и веселые, серьезные и шуточные, красивые и некрасивые, приятные и неприятные и т.п. При этом с образцами именно песенного дискурса наиболее часто соотносится конгломерат разнополярных эмоциональных состояний: одна и та же песня может доставлять одновременно и радость, и грусть (пример 4).

(4) *Des is mein Lieweslied. Ich sing, ich sing, wie soll ich des sache? Ich sing mit viel Vergnügen. Und ich sing und denk, ja, wie Bildje im Kopp: Eldern, Wolga, unser Dorfje, детство в общем. Lied singe, des macht arch Freide. Awer mocnchmol sing ich das Lied und will weine. Vom так! Freide (нем. лит.: Freude) und Leede (нем.лит.: Leiden) gehe zusamme!*

Перевод: Это моя любимая песня. Я пою, я пою, что я еще могу сказать? Я пою с удовольствием. Я пою и думаю, да, как картинки в голове: родители, Волга, наша деревня, детство в общем. Петь песню, это доставляет много радости. Но иногда я пою песню и хочу плакать. Вот так! Радость и страдание идут вместе!

Подобную антиномию в зеркале метаязыковой рефлексии не обнаруживают российско-немецкие тексты юмористического дискурса (частушки, шванки, паремия). Они интерпретируются как веселые и смешные, т.е. соотносятся исключительно с зоной эмоциональной шкалы, образуемой положительным зарядом (пример 5).

(5) *Ja, mir kenne so sache „Der steckt sein Maul net in den Sack“ (смеется). Ну, der kann net schweige. Verstehst du? Die Weibe kenne net schweige. Ich sach des aach iwer mei Fraa. Des bringt zu Lache!*

Перевод: Да, мы можем так сказать: «Он засовывает свою пасть в мешок» (смеется). Ну, он не может молчать. Понимаешь? Женщины не могут молчать. Я про мою жену тоже так говорю. Это весело!

Если по отношению к песням немцы испытывают достаточно широкий круг эмоциональных состояний, то немецкоязычный религиозный дискурс оказывает на них определенный «антиэмоциональный» эффект. Использование текстов этого типа вызывает чувства спокойствия, умиротворения. К текстам этого типа дискурса прибегают для того, чтобы справиться с собственными чувствами и эмоциями, усмирить их (пример 6).

(6) *Ich lese des Gebetje und das bringt mich in Ruh. Ja, das macht ruhig und ich kann anschlafe.*

Перевод: Я читаю молитву и это меня успокаивает. Да, это успокаивает, и я могу заснуть.

Триггером эмотивной метаязыковой рефлексии выступает не только текст, но и лексико-семантические единицы. Эмоционально окрашенному комментированию подвергается

прежде всего экспрессивная лексика. Наиболее салиентными единицами в обозначенной перспективе языковой перцепции выступают бранные слова.

Рассуждения о бранных диалектных словах также зачастую насыщаются биполярными семантическими конструктами. Так, с одной стороны, немцы указывают на стилистические свойства данной лексики – грубость и вульгарность, что расценивается в негативном ключе. С другой – эта лексика вызывает положительно окрашенные гедонистические и эстетические впечатления. В ходе полевых работ упоминание информантами диалектной бранной лексики зачастую сопровождалось улыбкой, смехом, она расценивалась как «хорошая», «смешная», «веселая». Немцы отмечают, что ее использование доставляет им определенного рода эстетическое удовольствие (пример 8).

(8) *Iwer an Trinker werd viel gsacht „Lump“ oder „Nasskittel“ (смеется). Mir Kindje warre und iwer Trinke geschrie „Nasskittel, Nasskittel“, geschrie und lache. Awer iwer mein Mann sach das ich net. Heet, что ты! Обидеться! Das geht net. Das is an growes Wort!*

Перевод: На пьяницу говорят «Lump» или «Nasskittel» (смеется). Мы были детьми и кричали на пьяницу «Nasskittel, Nasskittel», кричали и смеялись. Про моего мужа я так не говорю. Heet, что ты! Обидеться! Не пойдет. Это грубое слово!

«Всплеск» экспликации эмоциональных состояний отмечается по отношению не только к бранной лексике, но и к антропонимам. Личные имена – это «...уникальный пласт лексики, находящейся в особых отношениях с нарицательными именами» [6, с. 131]. Отмечаемая специалистом специфичность личного имени салиентна для сознания немецких диалектоносителей. Немцы охотно высказываются о лексических единицах этого типа, и в данных высказываниях метаязыковое содержание носит сложный, комплексный характер. Оно тесно переплетается с автобиографическими и этноисторическими данными, с явлениями, отсылающими к процессам самосознания и самоидентификации. Личные имена трактуются немцами как красивые и некрасивые, грубые и ласковые, приятные и неприятные, привлекательные и непривлекательные. Упоминаемые причины положительного или негативного отношения к тому или иному имени чрезвычайно разнообразны, и по большей части определяются индивидуальными предпочтениями говорящих (примеры 9, 10).

(9) *Ich denk, mei Nome is schein, конечно! Anna, des is kurz und schein. Und der Nome is deitsch und ruschich glaach. Des is net waach, awer, awer... des klincht! Anna!*

Перевод: Я думаю, мое имя красивое, конечно! Анна, это коротко и красиво. И имя на немецком и русском одинаковое. Оно не мягкое, но, но... это звучит! Анна!

(10) *Mei Engeldje hun viel Nome, viel. Всякие там есть. An hat... von dr kleine Tochterchje Костя. Der Nome is net gut. Nein. Ich lieb ja den nit. Костя, Костя. Des is wie Knoche! Des geht net. Ну, грубо звучит. Grob, ja, nit schein!*

Перевод: У моих внуков разные имена, разные. Всякие там есть. Одного, от младшей дочери, зовут Костя. Имя не хорошее. Нет. Мне не нравится. Костя, Костя. Это как «кость». Не пойдет. Ну, грубо звучит. Грубо, не красиво.

Спектр эмоциональных состояний, испытываемых по отношению к диалектным прозвищам и кличкам, оказывается гораздо уже. Преимущественно они соотносятся с зоной положительного эмоционального заряда и в структуре текста снабжаются оценочными предикатами со значением «веселый» и «смешной». Иногда личные имена интерпретируются как «глупые», но и этот вид оценки также включается в положительный эмоциональный контекст (см. пример 11).

(11) *Hu, des is Spottnome. „Knopse, Knopse“ mir hun geriefe und lache (смеется). Mir worre Kinner und all hun die Spottnome. Mir worre jung und dumm. Und unser Zung wor monchmol net kluch!*

Ну, это кличка. «Knopse, Knopse» мы кричали и смеялись (смеется). Мы были детьми, и у всех были клички. Мы были молодые и глупые. И наш язык иногда был не умный!

Анализ высказываний, эксплицирующих эмотивные впечатления о языке, позволяет определить «любимые» и «нелюбимые» немецкими диалектоносителями слова. Речь идет о таких лексических единицах, которые наиболее регулярным, последовательным и экспрессивным образом приобретают в рамках собранных контекстов высокий и, наоборот, низкий эмоционально-оценочный статус. Так, впечатления аффективного свойства у информантов вызывает слово *фашист*. Информанты указывают, что стигматизации по этническому признаку они наиболее интенсивно подвергались в детстве, однако с отдельными случаями социального осуждения они сталкиваются и по сей день (пример 12).

(12) *Ich und meine Elder mir sin uf баржа komme und uf Land da worre schon viel Leit, viel Kinner sinn aach hergelaufe. Ja, Angscht mir hun... und die ruschich Leit kreische, kreische, ich kann des net vestehe. Des wor „Faschist“, „Faschist“. Ja, Faschist is schlechst, des schlechst, was ich here. Ich krieg beis, wann iwer mich so wert gsacht. Мы не фашисты! И сейчас так дураки на нас говорят!*

Перевод: Я и мои родители мы прибыли на барже, и на берегу было много людей, много детей прибежало. Да, мы боялись... и русские кричали, кричали, я не могла понять. Это было «фашист», «фашист». Да, фашист – это самое плохое, самое плохое, что я слышала. Я злюсь, когда обо мне что-то подобное говорят. Мы не фашисты! И сейчас так дураки на нас говорят!

К «любимым» словам относятся названия блюд этнической российско-немецкой кухни. Необходимо отметить, что упоминание данных блюд, как и обращение к теме личного имени, вызывает у российских немцев заметный всплеск активизации рефлексивной деятельности – особенности пищевой культуры, как и специфика антропонимии, выступают важными средствами этнической самоидентификации. Названия традиционных блюд комментируются российскими немцами развернуто, и данные толкования всегда разворачиваются в рамках положительно заряженного эмоционального контекста (пример 13).

(13) *Da, da, Riewelsupp, sou leckerisch, arch gut! Und waast du, die Deitsche in Сибирь komme und hen unser, unser блюда, E[z]e gebraacht. Jetzt die Russ здесь в Кожевниково aach koch deitsch E[z]e, ja, die kenne koche, und Riewelsupp und Wurschtgulasch. Awer Reiwelsupp, Wurschtgulasch sinn deitsch, des is deitsch! Fir Riewelsupp ich nehm Mehl, Salz, Buder und Wasser. Ich schäl Zwiewel, schneide klein und daher koch. Tu Zucker, tu Salz, straae (нем. lum.: streue) Mehl. Vom, me kann esse, выглядит как кисель (смеется).*

Перевод: Да, да, ривель-суп, такой вкусный, очень хороший! И знаешь, немцы в Сибирь приехали и наши, наши блюда, еду привезли. Теперь русские здесь в Кожевниково тоже немецкую еду готовят, да, могут (теперь) готовить, и ривель-суп и колбасный гуляш. Но ривель-суп, колбасный гуляш – это немецкое, это немецкое! Для ривель-суппа я беру муку, соль, масло и воду. Я чищу лук, мелко нарезаю и потом варю. Добавляю сахар, добавляю соль, сыплю муку. Вот, можно есть, выглядит как кисель (смеется).

Информанты и сами отмечают, что упоминание в ходе общения данных блюд вызывает у них исключительно положительно окрашенные эмоции. Наименования блюд вызывают актуализацию образов из детства, воспоминания о родителях, пережитые состояния счастья и удовлетворения (пример 14).

(14) *Zwiewelkuche ich mach aach. Wann ich mach Zwiewelkuche, ich denk cpaзу iwer unser Muder, die hot den gekocht viel. Die steht in Schurz, ja in dr Kich (нем. лут.: Küche), macht Zwiewelkuch und hot gesunge, so weich gesunge.*

Перевод: Луковый суп я тоже люблю. Когда я делаю луковый суп, я сразу думаю о нашей матери, она его много готовила. Она стоит в фартуке, на кухне, готовит луковый суп, и (она) пела, так мягко пела.

Выводы

Анализ немецких диалектных текстов, вербализующих обыденные представления российских немцев о родном языке, показывает, что система этих представлений включает в себя сеть эмотивно окрашенных элементов. В диалектной речи метаязыковые эмоциональные впечатления маркируются с помощью определенного круга лексических единиц, который предположительно значительно уже круга лексических единиц, выполняющих идентичную функцию в литературной форме немецкого языка.

Метаязыковая рефлексия российских немцев окрашена положительными, отрицательными и нейтральными эмоциями. Однако никакие из проявлений родного языка не вызывают крайне негативного отношения. Даже диалектная бранная диалектная лексика не выступает триггером аффективных или пейоративных реакций.

Сеть, образованная эмотивно маркированными представлениями о языке, включает универсальный и вариативный компоненты: некоторые аспекты языка получают общеколлективную эмоциональную манифестацию, другие варьируются в силу особенностей рефлексизирующих субъектов.

Субъективность и психологичность рассматриваемых в исследовании категорий проявляется также в противоречивости эмоциональных состояний, испытываемых представителями немецкого субэтнуса по отношению к ряду языковых феноменов.

Литература

1. Александров О. А. Скрытые показания обыденного метаязыкового сознания томских немцев // *Вестник науки Сибири*. 2015. №15. С. 266–274.
2. Александров О. А. Актуальное состояние традиционной лингвокультуры немцев Томской области // *Язык и культура*. 2020. №52. С. 6–18.
3. Богословская З. М., Щеголихина Ю. В. *Семья российских немцев и их имена: лингвокультурологический аспект*. Томск: Том. политех. ун-т, 2017. 168 с.
4. Бондаренко Е. Д. Наивная лингвистика диалектоносителей: этносоциолингвистический аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2016. 26 с.
5. Костомаров П. И., Богословская З. М. *Текст в индивидуальном варианте немецкой народно-разговорной речи Сибири*. Томск: Том. политех. ун-т, 2012. 182 с.
6. Мамажакыпова А. Ж. Женские и мужские имена как единицы культурного кода (на материале киргизского языка) // *Вестник Московского государственного лингвистического университета*. 2009. №557. С. 131–140.
7. Марьянчик В. А. Стилистический эффект как базовое понятие стилистики // *Мир русского слова*. 2020. №4. С. 33–38.
8. Москалюк Л. И., Москвина Т. Н., Трубавина Н. В. *Реализация временных отношений в речи носителей островных немецких говоров Алтайского края*. Барнаул: Алт. гос. пед. ун-т, 2020. 198 с.
9. Обухова О. Н., Байкова О. В., Орехова Н. Н. *Этническая идентичность российских немцев: лингвокультурные маркеры*. Киров: Вятский гос. ун-т, 2019. 163 с.
10. Ростова А. Н. *Метатекст как форма экспликации метаязыкового сознания (на материале русских говоров Сибири)*. Томск: Том. гос. ун-т, 2000. 193 с.

11. Рубинштейн С. Л. *Основы общей психологии*. М.: Питер, **2002**. 720 с.
12. Шаховский В. И. Обоснование лингвистической теории эмоций // *Вопросы психолингвистики*. **2019**. №1(39). С. 22–37.
13. Adler A., Silveira M. R. Spracheinstellungen in Deutschland. Was die Menschen in Deutschland über die Sprachen? // *Sprachreport*. Mannheim: IDS. **2020**. No. 4. S. 16–24.
14. Adler A., Plewnia A. Was denken linguistische Laien über Sprache? Erhebung einer Repräsentativerhebung zu Spracheinstellungen in Deutschland // *Laien, Wissen, Sprache. Theoretische, methodische und domänenspezifische Perspektiven* / Hrsg. Hoffmeister T., Hundt M. Berlin: de Gruyter, **2021**. S. 249–277.
15. Hannemann T. Irgendwas zwischen hochdeutsch und plattdeutsch. Der norddeutsche Sprachraum in der Wahrnehmung linguistischer Laien // *Der deutsche Sprachraum aus der Sicht linguistischer Laien. Ergebnisse des Kieler DFG-Projektes* / Hrsg. Hundt M., Palliwoda N., Schröder S. Berlin: De Gruyter, **2017**. S. 183–212.
16. Löffler H. Zu den Wurzeln der Perceptual Dialectology in der traditionellen Dialektologie. Eine Spurensuche // *Perceptual Dialectology. Neue Wege der Dialektologie*. Berlin: de Gruyter, **2010**. S. 31–49.
17. Schmidt J. E. Vom traditionellen Dialekt zu den modernen deutschen Regionalsprachen // *Vielfalt und Einheit der deutschen Sprache. Zweiter Bericht zur Lage der deutschen Sprache*. Tübingen: Stauffenburg, **2017**. S. 105–143.

Поступила в редакцию 10.11.2021 г.

После доработки – 26.11.2021 г.

DOI: 10.15643/libartrus-2021.6.6

The emotive component of metalanguage reflection of Russian Germans in Tomsk region

© O. A. Aleksandrov*, Z. M. Bogoslovskaya

*Tomsk State University
36 Lenin Street, 634050 Tomsk, Russia.*

**Email: olegaleksandrov79@gmail.com*

At the moment, about 9000 Germans live in Tomsk region in the Russian Federation, a small number of them still speaks German dialects – the language formations traditional for Russian Germans. The German dialects of Tomsk region, like the German dialects in other regions of the Russian Federation and directly in Germany itself, are consistently losing their demographic and communicative power. This article is based on material collected through field practices in rural areas of the region under discussion. It is made in the mainstream of perceptual dialectology, touches on the theory of emotivity, and meets ecolinguistic tasks. In a broad sense, the authors of the article study speech acts when the metalinguistic and emotive functions of language are crossed. The authors analyze the corpus of German dialectic texts marked with expressive vocabulary. As a result of the analysis, the emotive structures of the system of metalanguage representations of the Russian Germans are revealed. The facts of language reality that are relevant for emotive perception are considered, the emotional status of images of these facts that reflected in the consciousness of the speakers is revealed. The model of emotional impressions about the language presented in the work includes features that are universal for the interviewed informants, which makes it possible to judge the sub-ethnic specifics of the worldview of the Russian Germans. It includes representations of the directly emotive, as well as the aesthetic and hedonistic types. The model testifies to the variability, inconsistency of metalanguage emotions due to the subjectivity and psychological nature of the categories under consideration. In particular, it is revealed that a number of language phenomena cause in the Germans a conglomerate of diverse emotional states – joy and sadness, satisfaction and dissatisfaction, etc. The reasons for the interpretation of language facts in one or another perspective are explained in the work through a demonstration of the socio-cultural context of the Russian Germans.

Keywords: development of folk-spoken forms of language, emotiveness, perceptual dialectology, metalanguage reflection.

Published in Russian. Do not hesitate to contact us at edit@libartrus.com if you need translation of the article.

Please, cite the article: Aleksandrov O. A., Bogoslovskaya Z. M. The emotive component of metalanguage reflection of Russian Germans in Tomsk region // *Liberal Arts in Russia*. 2021. Vol. 10. No. 6. Pp. 432–441.

References

1. Aleksandrov O. A. *Vestnik nauki Sibiri*. 2015. No. 15. Pp. 266–274.
2. Aleksandrov O. A. *Yazyk i kul'tura*. 2020. No. 52. Pp. 6–18.
3. Bogoslovskaya Z. M., Shchegolikhina Yu. V. *Sem'ya rossiiskikh nemtsev i ikh imena: lingvokul'turologicheskii aspekt [The family of Russian Germans and their names: linguoculturological aspect]*. Tomsk: Tom. politekh. un-t, 2017.
4. Bondarenko E. D. *Naivnaya lingvistika dialektonositelei: etnosotsiolingvisticheskii aspekt: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk*. Ekaterinburg, 2016.

5. Kostomarov P. I., Bogoslovskaya Z. M. *Tekst v individual'nom variante nemetskoj narodno-razgovornoj rechi Sibiri [The text in the individual version of the German folk-colloquial speech of Siberia]*. Tomsk: Tom. politekh. un-t, **2012**.
6. Mamazhakypova A. Zh. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*. **2009**. No. 557. Pp. 131–140.
7. Mar'yanchik V. A. *Mir russkogo slova*. **2020**. No. 4. Pp. 33–38.
8. Moskalyuk L. I., Moskvina T. N., Trubavina N. V. *Realizatsiya vremennykh otnoshenii v rechi nositelei ostrovnykh nemetskikh govorov Altaiskogo kraja [Realization of temporal relations in the speech of the speakers of the insular German dialects of Altai Krai]*. Barnaul: Alt. gos. ped. un-t, **2020**.
9. Obukhova O. N., Baikova O. V., Orekhova N. N. *Etnicheskaya identichnost' rossiiskikh nemtsev: lingvokul'turnye markery [Ethnic identity of Russian Germans: linguocultural markers]*. Kirov: Vyat-skii gos. un-t, **2019**.
10. Rostova A. N. *Metatekst kak forma eksplikatsii metazykovogo soznaniya (na materiale russkikh govorov Sibiri) [Metatext as a form of explication of metalinguistic consciousness (based on the Russian dialects of Siberia)]*. Tomsk: Tom. gos. un-t, **2000**.
11. Rubinshtein S. L. *Osnovy obshchei psikhologii [Fundamentals of general psychology]*. Moscow: Piter, **2002**.
12. Shakhovskii V. I. *Voprosy psikholingvistiki*. **2019**. No. 1(39). Pp. 22–37.
13. Adler A., Silveira M. R. *Sprachreport*. Mannheim: IDS. **2020**. No. 4. Pp. 16–24.
14. Adler A., Plewnia A. *Laien, Wissen, Sprache. Theoretische, methodische und domänenspezifische Perspektiven*. Hrsg. Hoffmeister T., Hundt M. Berlin: de Gruyter, **2021**. Pp. 249–277.
15. Hannemann T. *Der deutsche Sprachraum aus der Sicht linguistischer Laien. Ergebnisse des Kieler DFG-Projektes*. Hrsg. Hundt M., Palliwoda N., Schröder S. Berlin: De Gruyter, **2017**. Pp. 183–212.
16. Löffler H. *Peceptual Dialectology. Neue Wege der Dialektologie*. Berlin: de Gruyter, **2010**. Pp. 31–49.
17. Schmidt J. E. *Vielfalt und Einheit der deutschen Sprache. Zweiter Bericht zur Lage der deutschen Sprache*. Tübingen: Stauffenburg, **2017**. Pp. 105–143.

Received 10.11.2021.

Revised 26.11.2021.